

Теоретическое и практическое руководство. Ч.2. СПб., 1867.200с.

10. Седова Г.И., Степанов В.В. Дознание: функции и организация деятельности: Учебное пособие.-М.: «Приор-издат», 2003.-80с.

11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса.-СПб., 1892.- 517с.

12. Трусов А.И. Проект УПК: готов ли он стать законом? // Следователь, 1997. № 2.- С.13.

13. Дознание / А.С.Есина.- М.: Издательство «Экзамен», 2005г.- 223с.

14. Перлов И.Д. Важный этап в развитии советского права // Труды Всесоюзного института юридических

наук. М., 1960. 167с.

15. Миньковский Г.М. // Труды Всесоюзного института юридических наук. М., 1960. 280с.

16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.2.- М., 1970.- 710с. 17. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования.- СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.- 267с.

18. Евстигнеева О.В. Дознание в сокращенной форме в свете требования справедливости уголовного судопроизводства.- Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки, 2014. №2 (17), 184с.

THE ESSENCE OF THE INQUIRY AS A FORM OF PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2014

I.L. Sterlegova, senior lecturer in «Criminal Procedure and Criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article deals with some controversial issues of the Russian criminal procedural law connected with determining the nature of inquiry as a form of preliminary investigation.

Keywords: inquiry, criminal process, the parties to the proceedings, investigator, the form of the preliminary investigation.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

© 2014

И.Ю. Сутягина, соискатель кафедры теории и истории государства и права
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются проявления института юридической ответственности в Псковской Судной грамоте. Исследуется система преступлений и виды наказаний. Выявляется значение Псковской Судной грамоты в эволюции юридической ответственности в праве средневековой Руси.

Ключевые слова: юридическая ответственность, Псковская Судная грамота, татьба, перевет, головшина, индивидуализация юридических санкций.

Процесс формирования института юридической ответственности в древнерусском праве отражен довольно ограниченным кругом исторических источников. Тем более важную роль приобретает ряд сохранившихся правовых актов эпохи. К числу таких актов безусловно относится Псковская Судная грамота.

Псковская Судная грамота может рассматриваться не только как источник права средневековой Северо-Западной Руси, но и как важное связующее звено в эволюции всей древнерусской правовой традиции, в том числе и института юридической ответственности. Грамота многократно исследовалась и историками, и правоведами. Однако в силу своей значимости, а также в силу дискретности всего объема сохранившихся источников права рассматриваемой эпохи, многие аспекты исследования данного документа сохраняют свою актуальность. К их числу относятся и отражение формирования института юридической ответственности.

Анализ документа позволяет говорить как о преемственности с предшествующей правовой традицией, так и о новых особенностях псковского (и, вероятно, всего русского) права эпохи позднего средневековья. Как и Русская Правда, Псковская Судная грамота не знает очевидных для современного исследователя универсальных признаков, состава и видов правонарушений и юридической ответственности. Однако проявляется возросшее стремление группировать преступления по степени тяжести. Так, все преступления за которые предусмотрена смертная казнь регулируются седьмой и отчасти восьмой статьями: «А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати» (ст. 7); «Что бы и на посаде не крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий изличив, живота ему не дати, крам кромьскому татю» (ст. 8) [1, с. 332].

Несмотря на наличие разных точек зрения относительно значения понятий кримской татьбы и перевета, очевидно, что законодатель даже не пытается классифицировать преступления по характеру объекта посягательства. Зато степень общественной опасности в качестве обобщающего критерия прослеживается вполне отчетливо.

Под кримской татьбой большинство исследователей вслед за И. Энгельманом понимали кражу городского имущества, хранящегося в Кремле. По мнению других исследователей псковский законодатель говорил о краже церковного имущества или о краже из церкви [2, с. 73; 3, с. 98]. В любом случае речь идет о квалифицированной краже с посягательством на особо охраняемый объект, обладающий как значительной материальной, так и символической ценностью.

К кримской татьбе законодатель прямо приравнивает кражу в третий раз (ст. 8). Формальное определение рецидива в Псковской Судной грамоте отсутствует, но понимание повторного совершения ряда деяний как отягчающего обстоятельства вполне очевидно. Данная норма также позволяет предположить, что составитель Грамоты был озабочен по крайней мере казуистическим выделением субъективной стороны деяния и смягчающих обстоятельств. Более того, рискуем предположить, что задолго до эпохи рационализма Нового времени законодатель средневекового Пскова надеялся на возможность исправления преступника. Резкое ужесточение ответственности за кражу в третий раз показывает допущение, что первая и даже вторая кража могли носить случайный характер или быть вызваны тяжелым стечением жизненных обстоятельств. Совершение кражи в третий раз справедливо расценивалось как осознанный отказ преступника от исправления, а суровость наказания в этом случае

является вполне обычной даже для раннеиндустриальных обществ.

Смертная казнь за конокрадство также не должна вызывать удивление – в аграрную эпоху от наличия тяглового скота зависело само выживание хозяйства. Конокрадство и по Русской Правде каралось высшей мерой наказания – потоком и разграблением [4, с. 66]. А самосуд за это преступление вершился в русских деревнях вплоть до новейшего времени.

Псковская Судная грамота – первый законодательный акт, устанавливающий наказание за перевет, или измену. И.Г. Мартысевич считает это качественным скачком в эволюции категории преступления. В перевете он видит свидетельство выделения политических или государственных преступлений [3, с. 93-96]. На наш взгляд, подобный подход можно считать модернизацией. Как замечает Ю.В. Оспенников, перевет означал измену не только городской общине, но и иной, более мелкой корпоративной общности – например, рати в походе [5, с. 463-464]. В правосознании рассматриваемой эпохи еще сохранялось синкретическое единство восприятия сферы частной и публичной жизни. Следует, все же, отметить, что Русская Правда вообще не устанавливает ответственности за перевет, хотя в суровости фактического наказания за измену можно не сомневаться. Псковский же законодатель конца XIV – XV вв. счел необходимым формально закрепить этот состав. Тем самым он предвещал более общую тенденцию, отчетливо проявившуюся в скором будущем в московских судебных документах с уже вырисовывающейся системой государственных преступлений.

Смертная казнь за поджог в эру деревянного градостроительства также не может вызывать существенных вопросов. Сложнее обстоит дело с разбоем. Сохранение высокой общественной опасности этого деяния подтверждается всем комплексом исторических источников. Тем не менее Псковская Судная грамота, в отличие от Русской Правды, не устанавливает за разбой высшей меры наказания, ограничиваясь фиксированным – правда, самым высоким, – денежным штрафом в 70 гривен. При этом разбой упоминается в одном ряду с другими преступлениями – находом и грабежом, за которые устанавливалась аналогичная ответственность. Это дало основание многим исследователям утверждать, что право Северо-Западной Руси не различало разбой и грабеж [6, с. 60; 3, с. 101; 7, с. 48]. Анализируя широкий комплекс источников, Ю.В. Оспенников показывает, что в большинстве случаев, объект разбоя и грабежа все же различался. Разбой им характеризуется как вооруженное нападение, обычно с целью наживы, которое сопровождалось изъятием имущества и причинением вреда здоровью людей, вплоть до лишения жизни, а грабеж – как открытое посягательство на чужое имущество, не сопряженное с убийствами или иным насильем над личностью [5, с. 446-447]. Действительно, псковский законодатель употребляет оба этих понятия. Более того, в других источниках эпохи эти понятия часто разводятся. Однако в таком случае не вполне понятно, почему за преступления, заведомо различающиеся по степени общественной опасности, устанавливается одинаковая ответственность. А ведь мы знаем, что составитель Псковской Судной грамоты различал степень общественной опасности даже тех деяний, которые обозначались одним термином (ярчайший пример – «татьба»). Видимо, процесс разграничения понятий разбоя и грабежа был еще далеко от своего завершения. Рискнем предположить, что в правоприменительной практике грабеж (в современном понимании) мог смешиваться не только с разбоем, но и с кражей.

Еще одно деяние, караемое 70-гривенным штрафом, наход вызывает еще более противоречивые оценки. По мнению С.В. Юшкова наход – это разбой, произведенный шайкой. М.М. Исаев отождествляет наход с наездом

Новгородской Судной грамоты, то есть понимает его как самоуправное нападение на чужой земельный участок, обычно сопровождаемое боем и грабежом [6, с. 162; 8, с. 137]. К сожалению, ограниченность источников не позволяет дать определенную оценку этим гипотезам. Даже само помещение наезда в один ряд с разбоем и грабежом не раскрывает природу этого деяния, а лишь указывает на высокую степень его общественной опасности.

Еще одна интересная проблема – назначение 70-гривенного штрафа за разбой, наход и грабеж. Хотя эти деяния отнесены к подсудности княжеского суда, ясно, что князь не был получателем штрафа. Во-первых, фискальные полномочия князя в городских республиках в целом были существенно ограничены, во-вторых статья прямо определяет размер княжеской продажи в 19 денег. Одни исследователи рассматривают 70 гривен как штраф пользу Пскова, другие – как компенсацию потерпевшим [1, с. 346; 7, с. 49]. Обе позиции имеют свои аргументы, но ни сама Псковская Судная грамота, ни совокупность других источников не позволяют категорически подтвердить или опровергнуть любую из них. Оригинальный и аргументированный ответ на вопрос дает Ю.В. Оспенников: «Право Северо-Западной Руси XII – XV веков при установлении ответственности за разбой на первое место ставит проблему возмещения ущерба. Однако сторонами процедуры возмещения ущерба далеко не всегда оказываются сам потерпевший (или члены его семьи, если он сам убит) и разбойник, гораздо чаще сторонами выступают городские общины, к которым принадлежат потерпевший и разбойник. В этих условиях городская община превращалась в гарант того, что возмещение будет получено, в некоторых случаях она же выплачивала возмещение, если преступника было невозможно поймать» [5, с. 461-462]. Подобные предположения представляются вполне обоснованными. Существование имущественной ответственности общины за преступления, совершенные ее членом или на ее территории известно из большого числа разнообразных источников. Прямо о ее применении на территории Северо-Западной Руси говорят, например, договоры Новгорода и Пскова с ганзейскими городами [9, с. 55-132]. Мы уже упоминали о таком свойстве средневековой ментальности и общественной жизни, как нерасчлененность публичной и частной сфер.

В Псковской Судной грамоте очень фрагментарно упоминается убийство и наказание за него. Так, ст. 26 устанавливает ответственность за убийство истцом ответчика в порядке самосуда [1, с. 334]. Ст. 96 определяет в один рубль размер продажи «на головниках» в пользу князя, а ст. 97 особо оговаривает действие этого правила и при убийстве близких родственников [1, с. 340]. Подобная фрагментарность в оценке деяния, которое по Русской Правде занимало центральное место в системе преступлений, не должно удивлять. Ведь Псковская Судная грамота не заменяла, а дополняла Русскую Правду. В этом случае возникает ряд вопросов о том, как изменялось действие положений Русской Правды об убийстве. Ю.Г. Алексеев замечает, что реальный размер штрафа за убийство уменьшился более чем в 10 раз [7, с. 43]. Это, однако, объясняется тем, что городские власти не желали чрезмерного обогащения князя, в пользу которого по «пошлине» назначалась продажа. Очевидно, сюда не включалась компенсация потерпевшей стороне, но размер ее остается неясным. Осуществив комплексный анализ источников, Ю.В. Оспенников делает вывод об упрощении в конце XIV – XV вв. всей системы преступлений, объединенных вирной ставкой. В частности, исследователь отмечает исчезновение специфических составов преступлений, различающихся по правовому статусу убитого [5, с. 474-475]. В целом, проблема эволюции ответственности за преступления против жизни в праве Северо-Западной Руси средних веков по-прежнему требует внимания

исследователей.

Значительное внимание псковский законодатель уделяет краже. Мы уже говорили о новых основаниях выделения квалифицированных составов кражи, характеризуя наиболее опасные деяния. В то же время в Псковской Судной грамоте обнаруживается тенденция упрощения системы преступлений. Здесь все еще указывается кража барана, овцы, гусей и т.д., однако все эти преступления уже объединены в рамках одной статьи (ст. 112) [1, с. 342]. Следует упомянуть и еще один квалифицированный состав – кражу из закрытого помещения, воза, ладьи и т.п. Если речь шла о краже, когда потерпевшая сторона предпринимала меры по обеспечению сохранности имущества, величина продажи в пользу князя увеличивалась до девяти денег [1, с. 331].

Анализ преступлений против личности и против собственности, регулируемых Псковской Судной грамотой позволяет сделать вывод о характере развития института юридической ответственности средневековой Северо-Западной Руси. Конечно, в данном источнике права, как и в предшествующих ему, отсутствуют универсальные признаки и критерии классификации правонарушения и юридической ответственности, правовые нормы носят казуистический характер. В то же время начинает проявляться стремление к упрощению системы преступлений, а с другой стороны – тенденция к индивидуализации юридических санкций. Возрастает значение возмещения ущерба, о чем ярко говорит

изменившаяся санкция за разбой. Появляется неизвестная Русской Правде тенденция выделения государственного преступления. Псковская Судная грамота отразила как специфику развития юридической ответственности в Северо-Западной Руси, так и общерусские процессы эволюции данного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X – XX вв. – М., 1984. Т. 1.
2. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте. – СПб., 1855.
3. Мартысевич И.Д. Псковская Судная грамота. – М., 1951.
4. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X – XX вв. – М., 1984. Т. 1.
5. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. – М., 2007.
6. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. – М., 1947.
7. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. – Л., 1980.
8. Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. – М., 1948.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. – М.- Л., 1949.

A PROBLEM OF LEGAL RESPONSIBILITY ACCORDING TO THE PSKOV JUDICIAL CHARTER

© 2014

*Ir. Yu. Sutyagina, competitor of chair of state-legal disciplines
 Samara legal institute of the Federal penitentiary service of Russia, Samara (Russia)*

Annotation: The article deals with the legal responsibility institution in the Pskov Judicial Charter. The system of offences and penalties is investigated. The significance of the Pskov Judicial Charter in the evolution of legal responsibility in medieval Rus' law is detected.

Keywords: legal responsibility, Pskov Judicial Charter, tatba, perevet, golovshina, individualization of legal sanctions.

УДК 343.01

ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В КОДИФИЦИРОВАННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

© 2014

*С.С. Тихонова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета,
 доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета*

*Т.А. Бачурина, аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
 Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия)*

Аннотация: В настоящей статье определяется назначение легальных дефиниций, рассматриваются юридико-технические требования к определению их количества и дается оценка перспективным вариантам изменения подходов к определению их местонахождения в кодифицированном уголовном законе.

Ключевые слова: глоссарий, дефиниция, нормативно-правовое предписание, примечание, уголовный закон, юридический термин, юридическое понятие.

Легальная (законодательная) дефиниция представляет собой определение юридического понятия, содержащееся в тексте законодательного акта [1, с. 10-14]. Соответственно в зависимости от наличия в тексте законодательного акта, в котором употребляется юридический термин, легальной дефиниции обозначаемого данным юридическим термином понятия термины могут быть дефинированными или недефинированными.

По мнению А. Ф. Черданцева к легальным следует относить и дефиниции, содержащиеся в актах официального толкования [2, с. 262-265]. Однако среди дефиниций, полученных в результате официального толкования законодательного акта, к числу легальных можно причислять только дефиниции, содержащиеся в

актах аутентического толкования, имеющих внешнюю форму, аналогичную разьясняемому акту [3, с. 359]. Что касается делегированного толкования, осуществляемого в Российской Федерации специально уполномоченными на это высшими судебными органами, то в связи с принципиально иной правовой природой издаваемых данными органами актов официального толкования целесообразнее именовать содержащиеся в них дефиниции не легальными, а судебными.

Независимо от вида дефиниций, все они способствуют «совершенствованию праворегулирующего процесса в целом и правовой коммуникации в частности» [4, с. 79-80]. Однако легальные дефиниции наделяют законодательный акт свойством самообъяснимости. При этом законодательное определение юридического